

ЧЕХОВ В ИРАКЕ

Обзор Б. В. Чукова

Литературная жизнь в Ираке намного дольше, чем в большинстве других стран Азии, протекала в русле классических и ложно-классических форм и была до такой степени подчинена власти средневековых традиций, что первые прозаические произведения — рассказы и повести — появились там только во втором десятилетии XX в. Именно в то время, когда старое мироощущение, скованное религиозными традициями, уступало место либеральному национализму, появились ростки новых жанров литературы.

Комплекс социальных и экономических условий в Ираке 1920–1930-х гг., сходных с теми, которые существовали в России конца XIX — начала XX в., — интенсивное развитие капитализма и приближение конца абсолютизма — все это обусловило повышенный интерес в Ираке к русской литературе. Кроме того, исчерпав темы, сюжеты, поэтику и образы арабской классической литературы и не находя уже опоры в ее прошлом, иракские писатели искали и обретали такую опору в литературах тех стран, которые арабская интеллигенция считала наиболее передовыми: в кемалистской Турции и Советской России. В эти годы были предприняты многочисленные переводы и переделки произведений русских авторов, вызывавшие живой интерес читателей.

Переводы книг русских писателей, издававшихся как в Ираке, так и в других арабских странах, в подавляющем большинстве были полны погрешностей и просчетов самого различного свойства. К весьма примечательным курьезам относится история русского слова “мужик”, появлявшегося в арабской транслитерации, что заставляло арабского читателя воспринимать это слово как название народности или племени¹. Переводчики нередко опускали значительные фрагменты текста и многое добавляли от себя. В результате изменялась основная идея произведения, искажались его образы. Иногда переводы превращались в примитивные пересказы сюжетов. Со временем число переводов сочинений русских классиков умножилось, появились работы арабских авторов, посвященные русским писателям, в том числе и Чехову², и это сыграло заметную роль в развитии литературы Ирака.

После июльской революции 1958 г. на страницах иракской периодики стало появляться много переводных статей советских литературоведов. В некоторых случаях иракские литераторы подхватывали мысли советских ученых. Так, широко известный в Ираке литературовед Басим Абд аль-Хамид Хамуди, специализировавшийся на вопросах социалистического реализма и русской литературы, в статье “Читая Чехова” писал, ссылаясь на З.С.Паперного: «Слава Чехова вышла за пределы родной страны на мировые просторы. Среди тех, кто говорит о его плодотворном воздействии, — такие писатели, как Бернард Шоу, Голсуорси и Томас Манн. Чехов приходит к народам всех материков как добрый друг и современник всех поколений, хотя

голос его звучит приглушенно, так как писатель отнюдь не “громогласен”. И тем не менее люди разных стран слышат этот голос и внимают ему»³. Иракский литературовед далее пишет: “Чехов — мятежный человек, отстаивающий свои жизненные права”. “Он опирался на свое историческое наследие: — он был сыном крепостного крестьянина⁴”, самостоятельно развившим свою личность, исполненным непреклонной решимости помочь всеобъемлющему преобразованию своей родины и пронзительно-остро, как только может чувствовать врач, ощущал ее жажду слиться с остальным миром на пути прогресса, на который ее может подвинуть только творческая энергия”⁴.

Движение за социальное переустройство в Ираке стимулировало интерес передовых писателей к литературе страны, в которой впервые произошла социалистическая революция, и иракские прозаики заимствовали из русской литературы те ее идеи и образы, которые, по их представлениям, отвечали насущным потребностям иракского общества. На произведениях русской литературы иракские писатели учились психологически углубленному раскрытию образа, обогащали новыми художественными приемами технику письма.

Имея в виду значимость творческого наследия Чехова для своей жизни, ведущий иракский писатель, выпускник московского Литературного института Бурхан аль-Хатыб (род в 1944 г.)⁵ утверждает: «Литературное наследие Чехова не устареет никогда, ибо трактованные Чеховым темы универсальны, они волнуют каждого человека на земле. Герои Чехова входят в жизнь каждого нового поколения. В Ираке Чехов приобрел широкую популярность с 1950-х гг. Интенсивность воздействия его художественного мира на иракских писателей сопоставима разве что с произведениями Горького. Чехов и Горький среди всех писателей мира оказали на иракскую литературу наибольшее влияние. Меня Чехов научил лучше разбираться в народной психологии, в нравах различных общественных слоев, из его произведений я понял, что в душе так называемого “маленького человека” можно обнаружить неожиданные высоты и глубины, а композиционные системы Чехова привили мне новые представления о взаимодействии многообразных форм изображения действительности»⁶.

Интерес арабских писателей к Чехову был предопределен теми же социальными мотивами, что были характерны для русской общественной жизни в последние предреволюционные десятилетия: усиливающееся чувство невозможности жить по-старому, ожидание и предощущение коренных перемен во всём укладе жизни, стремление к духовному пробуждению людей. В архаизированном, чрезвычайно консервативном обществе Ирака середины XX в. на долю писателей выпадала, помимо всего, и обязанность развенчивать вредные средневековые обычаи, бороться за эмансипацию женщины.

В Ираке “открытие Чехова” связано с именем Шакера Хасбака, который познакомился с творчеством русского писателя в 1948 г. в Каире, где он учился на географическом факультете университета. Вскоре (в 1954 г.) он издал о Чехове литературоведческое исследование⁷. “Открытие Чехова” стало важным событием для арабских литераторов, для которых был актуален главный мотив чеховского творчества: жить долее по-старому невозможно, необходимы кардинальные социальные перемены. Здесь следует заметить, что при рассмотрении творческих связей необходимо выходить за пределы литературного ряда. При всей внутренней обращенности к Чехову Шакер Хасбак — писатель иной страны и иной исторической эпохи, и потому он

^{1*} Это не совсем точно. Дед Чехова выкупил семью из крепостного состояния в 1841 г., когда отцу Чехова, П.Е.Чехову, было 16 лет.

лице Фаттаха, сына местного бакалейщика. Став его любовницей, она вскоре убедилась, что он не собирается на ней жениться. И Халима свела счеты с жизнью.

В этом рассказе Хасбак заметно приблизился к уровню чеховского мастерства. Чеховские “случайностные мелочи” удачно расставлены на протяжении всего повествования: первобытный способ добывания огня для приготовления пищи, нелепые привычки дворника и соседского мальчика, накопец, Фаттах, безвылазно сидящий в отцовской лавке, кишашей роящимися мухами.

Целью писателя при сочинении этого рассказа стало изображение душевных мук героини, которая погибает, будучи зажатой в тиски невыносимого быта и подвергаясь нападкам враждебно настроенной семьи. От своей родни Халима отличается чистотой помыслов, благородством, неизменной благожелательностью к людям. Рассказ построен на контрастных сопоставлениях — крупных и мелких. Так, например, Халима сравнивает свою девичью красоту с прелестями кокоток, цветными изображениями которых из гляцевых журналов заклеены стены комнаты ее злобного брата.

На всем протяжении новеллистического творчества Хасбака нетрудно проследить, как озабочен писатель поисками техники письма, которая с течением времени заметно совершенствуется.

Весьма заметное воздействие поэтика Чехова оказала на творчество Эдмона Сабри (1921–1975), автора трех десятков сборников рассказов, повестей и пьес, написанных в духе критического реализма¹². Детализация при описаниях в рассказах Сабри, не связанная ни прямо, ни косвенно с развитием сюжета, случайные персонажи в его пьесах, которые никак не влияют на развитие действия, а ведут лишь разговоры на житейские темы, — таковы свидетельства подражания этого иракского писателя Чехову. Так же, как и у Чехова, у Сабри в его рассказах и даже пьесах развязка не обязательна, и трагическое событие подается подчеркнуто буднично, в нейтрально-спокойной интонации, что не исключает, конечно, авторских комментариев к происходящему.

Городскую провинцию Сабри часто изображает также по-чеховски: глиняные лачуги, фруктовые сады вдоль ухабистых улочек, в пыли роются куры, огромные ленивые собаки отмахиваются от мух. Так, в рассказе “Униженный человек” (1959) читаем: “Несколько дней назад какая-то газета поместила прошение здешнего жителя, адресованное местным властям. В нем говорилось о косности медицинских работников, недостатке медикаментов, отсутствии профилактических мер и нерадении властей <...> автор требовал построить в местечке водоочистительную станцию и установить электрогенератор, что позволило бы заменить тусклые керосиновые фонари, гаснущие в ночные часы от порывов ветра”. Подобная неслыханная дерзость повергла малограмотного правителя местечка в страшный гнев. Незримый, неперсонифицированный повествователь, выступающий с монологом в чеховской манере, заключает его в резко обличительных тонах: он уверяет читателя, что все-таки и в глухое захолустье вторгается прогресс.

По словам Сабри, сказанным автору этих строк, он старался следовать Чехову в воспроизведении диалектики человеческих переживаний, очень сложных, богатых нюансами, тончайшими переходами из одного состояния в другое. Учась у Чехова познавать и воспроизводить мир человеческой души в ее отношении к окружающей действительности, Сабри воссоздавал духовную жизнь и переживания современников.

Излюбленная манера повествования Сабри, так же как и зрелого Чехова, — объективный рассказ, проникнутый мыслью героя, будь это умирающий от голода безработный или пресыщенный роскошью богач. У иракского и русского писателей много сходства как в общем, так и в частном. Например, знаменитый звук лопнувшей струны из “Вишневого сада” откликается у Сабри трагическим звучанием бубна в пьесе “Дни безработицы” (1967): “(Абдель Вахид, держа под мышкой бубен, спускается по лестнице и с удивлением видит Салима.)

Абдель Вахид. Кто это?

Фарадж. Салим, мой племянник.

Абдель Вахид. Откуда он у вас?

Фарадж. Привезли добрые люди.

Абдель Вахид. У него агония. Дайте ему воды, попробуйте облегчить его страдания! Мне следовало бы остаться с вами, но я должен репетировать с новой танцовщицей. Простите, что я оставляю вас в столь затруднительном положении. Танцовщица однако зажалась.

(Смотрит на часы, пятится назад, наталкивается на стену бубном, звук которого еще долго дрожит в воздухе. Занавес)¹⁴.

Более всего роднит Сабри с Чеховым горькая и насмешливая ирония, сливающаяся с грустью. Так, санитарный инспектор, борющийся с инфекционными заболеваниями, старался не причинять зла ничему живому, даже крысам в своем доме¹⁵. Изголодавшиеся бездомные собаки съели пальто у повара¹⁶. У городского садовника девятнадцать детей. Семья лихорадочно готовится к торжествам по случаю “Дня ребенка”, надеясь получить премию на конкурсе многодетности. Но их к конкурсу не допускают: слишком непривлекательный у этих бедняков вид. Но в отличие от Чехова, Сабри обращается к читателю с более откровенным выводом о несправедливости в жизни: “Нет прав у человека, нет счастья у человечества и ничего не стоит ребенок”, — замечает он меланхолично¹⁷.

Сходство Сабри с Чеховым заметно и в лирических монологах, в которых звучит тоска по прекрасной жизни. В пьесе “Приговоренный к смертной казни” (1963) юная экзальтированная героиня восклицает: “Я мечтаю об амнистии. Шум у ворот тюрьмы, когда одновременно выходят на свободу тысячи узников. Радостные возгласы женщин. Отцы обнимают сыновей. Может, пройдут десятилетия, прежде чем настанет такое ликование. Представь себе клетку, откуда внезапно выпускают тысячу птиц. Всё заглушающий шум крыльев!”¹⁸

Подобно Чехову, Сабри верил, что придет другое время и смоем с общества и лень, и скуку, и апатию. Будущая счастливая жизнь рисовалась Сабри по-чеховски неотчетливо и расплывчато. В борьбе за гуманистические идеалы иракские писатели обращались к богатому духовному опыту и давним традициям русской литературы, способствуя тем самым формированию общественного сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О переводах произведений русских писателей в Ираке см. в нашей статье: *Чуков Б.В.* Иракская художественная проза и русская литература // Народы Азии и Африки. М., № 6. Об ошибках и неточностях в переводах на арабский язык произведений Л.Н.Толстого см: *Мохаммед Юнис Джабр.* Л.Н.Толстой и современная литература Арабского Востока. Автореферат канд. дисс. МГУ, филол. ф-т. 1972.

² *Абу Нувара* (псевдоним иракского поэта Сами Мехди). У Эдмона Сабри нет заслуги в том, что он стал новым Чеховым // Алиф ба. Багдад. 1968. 23 октября; *Басим Абд аль-Хамид Хамуди.* Читая Чехова // Аль-Аклям. Багдад. 1973. № 5.

³ Б.А.Х.Хамуди. Указ. соч. С. 111.

⁴ Там же.

⁵ На русском языке опубликованы его рассказы: *Ветряное колесо* // *Тайна воды* (сб. рассказов). М., 1979; *На старых берегах* // *Письмена на дереве* (сб. рассказов). М., 1983 и повесть: *Самий из Александрии* // сб. *Королевство деда*. М., 1985.

⁶ Из беседы с автором этой статьи в октябре 1981 г.

⁷ *Шакер Хасбак*. Чехов. Литературоведческое исследование, биография и переводы избранных рассказов. Багдад, 1954.

⁸ Неджеф. 1948. № 538.

⁹ *Шакер Хасбак*. *Борьба* (сб. рассказов). Каир, 1948.

¹⁰ *Шакер Хасбак*. *Новая эпоха*. Каир, 1951.

¹¹ *Шакер Хасбак*. *Жестокая жизнь* (сб. рассказов). Багдад, 1959.

¹² Подробнее об Эдмоне Сабри см. нашу статью: *Чуков Б.В.* Реализм в послереволюционной иракской прозе (1958–1972) // *Литература зарубежной Азии в современную эпоху*. М., 1975.

¹³ *Эдмон Сабри*. *В море несчастий*. Багдад, 1959. С. 17.

¹⁴ *Он же*. *Дни безработицы* (пьеса). Багдад, 1967. С. 53.

¹⁵ *Он же*. *Вдова* (сб. рассказов). Багдад, 1962.

¹⁶ *Он же*. *Когда жизнь была дешевой* (сб. рассказов). Багдад, 1968.

¹⁷ *Он же*. *Казенный хлеб* (сб. рассказов). Багдад, 1961. С. 8.

¹⁸ *Он же*. *Приговоренный к смертной казни* (пьеса). Багдад, 1963. С. 22.